

«КОРЕЛОМНЫЙ» МОМЕНТ

MARK THE MORTALSHED

«Россия по своему общественному опыту оказалась впереди всего остального мира. <...> мы прошли опыт, равного которому на Западе не прошел никто. И мы теперь смотрим с сожалением на Запад. Это странное чувство: мы смотрим как будто бы на наше прошлое <...>. Все то, что у вас происходит сегодня, у нас уже было, было давно»¹.

А. И. Солженицын

Несколько лет назад я принимал вступительный экзамен по специальности в нашу аспирантуру у начитанной и толковой девушки. Она говорила очень хорошо, но необычайно волновалась. Ее «коньком» была история этнографии в России, и, чтобы как-то помочь ей справиться с волнением, я стал задавать дополнительные вопросы о том, что она знала лучше всего. Спросил и о значении в истории нашей науки совещания этнографов Москвы и Ленинграда, которое про-

---

¹ *Солженицын А. И.* Выступление по испанскому телевидению, Мадрид, 20 марта 1976 г. // *Солженицын А. И.* Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 10. С. 325–326.

«As regards its experience of social life, Russia has broken ahead of the rest of the world <...> we have gained an experience an equal of which no country in the West has ever been through. And it is with pity that we now look towards the West. There is an odd feeling, as if presently we were looking into our past: <...>. All those things happening to you today we have experienced already, a long time back»¹.

Alexander Solzhenitsyn

A few years ago a well-read and sensible young lady sat in front of me as I was giving a profiling post-graduate course entry examination. The young lady spoke quite well and yet was really rather jittery. Her «hobby horse» was the history of ethnographic research in Russia and in order to help her cope with the jitters I began asking additional questions on the area in which she apparently felt most confident. Among those questions was one on the significance of the seminal council of Moscow and Leningrad

---

¹ *Solzhenitsyn A. I.* A talk on the Spanish television, Madrid, 20 March 1976 // *Solzhenitsyn A. I.* Social and political essays, talks and speeches. Vermont; P., 1989. Vol. 10. P. 325–326 [in the Russian language].

шло в Государственной академии истории материальной культуры и Мраморном дворце в 1929 г.

— Это был по-настоящему кореломный момент в истории советской этнографии! — воскликнула девушка. Она стала со знанием дела рассказывать об этом действительно важном событии, но вскоре осеклась и зарделась, увидев улыбающихся членов комиссии. Впрочем, смутиться следовало бы мне. Как оказалось, сам я знал о совещании 1929 г. много меньше, чем недавняя студентка: я довольно часто мельком слышал и что-то читал «о том самом совещании», но связанные с ним архивные материалы не видел никогда. Девушка получила вполне заслуженную «пятерку», и сегодня я очень рад, что молодые ученые из Петербурга и Москвы, принадлежащие к ее поколению¹, подготовили добротную, очень интересную и нужную сегодня комментированную публикацию стенограммы этого совещания, которая долгие годы хранилась в Архиве МАЭ РАН.

О том, что большевизм — предельно резкое утверждение европейского, ультразападничества, можно прочитать у авторов, исповедующих самые разные политиче-

ethnographers held by the State Academy of History of Material Culture in the Marble Palace in 1929.

— Indeed, that council marked the mortals held in the history of Soviet ethnography! — exclaimed the young lady. In the next breath she proceeded to expertly elucidate the meaning of that really significant event, but soon stumbled in mid-sentence and blushed, prompted by smiling faces of the examiners. However, if there was any blushing to be done, it was I who had to be first in line. It turned out I knew much less about the council of 1929 than the erstwhile lady-student: I had of course rather often heard tell of «that very council» and had read some odds and ends about it, but never had I seen any archival records therewith related. The young lady got the well deserved A, and these days I am really happy that young scholars of her generation from St. Petersburg and Moscow¹, have prepared the sound, highly interesting and presently much anticipated commented edition of the council minutes, which had been long resident in the archives of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Science.

Bolshevism, being a radically severe outcrop of European Westernism,

¹ Я искренне рад интересу к подобной тематике среди своих молодых коллег. Так, в текущем году в Европейском университете в Санкт-Петербурге Д. М. Колядовым была защищена диссертация на соискание степени магистра по теме «Язык научных текстов в сфере гуманитарных и общественных наук в СССР в 1920–1930-х годах».

¹ I am exceedingly glad to have seen the interest displayed by my younger colleagues towards this range of issues. In the same vein, this year, in the University of Europe a master thesis was defended by D. M. Kolyadov entitled “The language of scholarly publications in the sphere of humanities and social sciences in the USSR in 1920–1930s” [in the Russian language].

ские взгляды. Если для либерального публициста П. Б. Струве (1870–1944) «дух русской революции занесен с Запада <...> он плод максималистического усвоения русской интеллигенцией передовых идей западных народов»¹, то для религиозного философа-экзистенциалиста Н. А. Бердяева (1874–1948) «соблазн интернациональной социал-демократии был одним из путей онемечения и порабощения души России, обезличения русской интеллигенции <...> Очень наивные люди, все эти русские мальчишки, мечтающие о братстве народов, о свободном самоопределении народностей, об интернационализме и черпающие свое идейное обоснование у немецких социал-демократов!»² Для И. А. Ильина (1883–1954), монархиста и консерватора, большевистская революция была совершена «людьми сильной воли, но скудного политического разума и доктринерской близорукости. Эти люди, по словам Достоевского, ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, “идеями” которыми они, как голодные дети, объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией со времен глав-

is characterised as such by authors espousing most divergent political views. A liberal publicist Petr Struve (1870–1944) maintained that “the spirit of the Russian revolution is an importation from the West, <...> it is a result of a maximalist assimilation of the Western peoples’ leading ideas by the Russian intelligentsia”¹, whereas according to a religious existentialist philosopher Nikolai Berdyaev (1874–1948) “the lure of an international social democracy was one of the ways to Teutonize and enslave the soul of Russia, and to divest the Russian intelligentsia of their individuality <...>. They are very naive people, all those Russian youths, dreaming of the brotherhood of nations, national self-determination and internationalism, yet borrowing their ideology from the German social democrats!”² Ivan Ilyin (1883–1954), a royalist and a conservative, professed the Bolshevik revolution to have been committed “by people of strong will but of impoverished political insight and dogmatic short-sightedness. Those people, as pronounced by Dostoevsky, understood little about Russia; neither did they fathom its singularity or its national aims. They resolved to commit a political rape of Russia according to the schemes that evolved in the Western Europe, on whose ‘ideas’ they had a surfeit and choked like any famished

¹ Струве П. Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 348.

² Бердяев Н. А. Германские влияния и славянство // Бердяев Н. А. Собр. соч. Париж, 1990. Т. 4. С. 148, 151–152.

¹ Struve P. B. Selected writings. Moscow, 1999. P. 348 [in the Russian language].

² Berdyaev N. A. Germanic Influences and the Slavic World // Berdyaev N. A. The Collected Works. P., 1990. Vol. 4. P. 148, 151–152 [in the Russian language].

ного поносителя России — католика Чаадаева»¹.

Ряд такого рода цитат можно легко продолжить. Как бы то ни было, сегодня вполне очевидно, что русский авангард, равно как и многие важнейшие идеологические и экономические построения большевиков — результат усвоения и развития на русской почве взглядов наиболее радикальных представителей европейской творческой и научной интеллигенции. В этом отношении отечественная этнографическая наука того времени — плоть от плоти своей эпохи. В этом равно ее сила и ее слабость. Именно этим, по-моему, и интересен в первую очередь уникальный документ, который лег в основу этой книги. И именно в этом заключается ее актуальность.

В самом деле, вслушаемся в слова В. Б. Аптекаря, сыгравшего на этом совещании одну из ведущих ролей и призывавшего «отменить» этнографию как науку колониальную и расистскую: «Раса является элементом, неотъемлемым от индоевропейского мировоззрения»². Разве практически не о том же говорят сторонники использования *inclusive* или *neutral language*³ в современной

children. They were ignorant of their own homeland; and that ignorance spelled the doom of the Russian Westernism since the time of the foremost vilifier of Russia — the papist Chaadaev»¹.

One could easily continue with the selection of such quotes. Be that as it may, it seems clear today that the Russian avant-garde, like the many crucial and ideological constructs of the Bolsheviks, was the result of implantation and growth on the Russian soil of views espoused by the most radical representatives of the European literati. In this respect the Russian ethnography of that time appears to have the blood of the epoch running through its veins. This is both its strength and its weakness. This also is the major reason why in my opinion the unique document being the backbone of this here book is so interesting. Its relevance and urgency lie in the same domain.

Indeed, here is a quote from an address by Valerian Aptekar, who played a key role at the council and who appealed for “cancellation” of ethnography as being a colonial and racist science. According to him “race is an element indivisible from the Indo-European world view”². Is it not the same idea that is expressed by adherents

¹ Ильин И. А. Русская революция была катастрофой (1949) // Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России (Статьи 1948–1954 гг.). М., 1992. Т. 1. С. 108.

² АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Ед. хр. 110. Л. 63.

³ См., например: Буковский В. Политкорректность хуже ленинизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://regions.ru/news/2242306/> (дата обращения: 15.11.2014).

¹ Ilyin I. A. The Russian Revolution was a catastrophe (1949) // Ilyin I.A. Our goals. The historical fate and the future of Russia (Articles of 1948–1954). Moscow, 1992. Vol. 1. P. 108 [in the Russian language].

² Archives of the Russian Academy of Science. File 377. Directory 2, arch. unit 110. Folio 63 [in the Russian language].

«политкорректной антропологии», выросшей из левых идеалов 1968 г.? Сегодня вытеснение терминов и понятий за скобки научного дискурса может привести и приводит к «отмене» целых научных направлений.

Кто бы мог еще совсем недавно подумать, какие ассоциации будет у многих из нас вызывать портрет В. Б. Аптекаря, данный двоюродной сестрой Бориса Пастернака, выдающимся филологом и культурологом О. М. Фрейденберг, организовавшей в Ленинградском университете первую в СССР кафедру классической филологии: «В Москве я познакомилась с Аптекарем. Это был разухабистый, развязный и дородный парень в кожаном пальто, какое носили одни “ответственные работники”. Ходил он, раскачиваясь, словно не желая признавать препятствий. Весело и самоуверенно он признавался в отсутствии образования. Такие вот парни, как Аптекар, неучи, приходили из деревень и местечек, нахватывались партийных лозунгов, марксистских схем, газетных фразеологий и чувствовали себя вождями и диктаторами. Они со спокойной совестью поучали ученых и были искренне убеждены, что для правильной систематизации знаний (“методологии”) не нужны сами знания»¹.

Подробнее см.: *Gough K.* Anthropology and Imperialism // *Monthly Review*. 1968. Vol. 19. №. 11. P. 12–27; *Smith L. T.* Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples. L., 1999.

¹ Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 121.

of *inclusive and neutral language*¹ in contemporary “politically correct anthropology” that grew out of the leftist ideals of 1968? These days, forcing terms and notions outside scholarly discourse can be and has already been instrumental in “cancellation” of whole branches of research.

Who would have thought fairly recently of the associations to be evoked in respect of the description of Valerian Aptekar given by Boris Pasternak’s cousin, an eminent philologist and culturologist Olga Freidenberg, who organized the department of classical philology in the Leningrad University, first ever to be created in the Soviet Union: “In Moscow I ran into Mr. Aptekar. This one turned out to be a bold-as-brass pert and stout scallywag in a leather overcoat worn exclusively by “men in charge”. He walked in a portly sway as if being intolerant of obstructions. In a rollicking and self-confident manner he would admit of his lack of education. Such cads as Aptekar, the ignorami, arriving from wood-end farmsteads and boroughs, would pick up scraps of party slogans, Marxist schemes, penny-sheet phraseology and view themselves as strong men and supremoes. Without so much as a by-your-leave they would come the old

---

¹ Е.г.: *Bukovsky V.* Political correctness is worse than Leninism [an electronic resource]: <http://regions.ru/news/2242306/> (last query: 15.11.2014) [in the Russian language]; *Gough K.* Anthropology and Imperialism // *Monthly Review*. 1968. Vol. 19. №. 11. P. 12–27; *Smith L. T.* Decolonizing Methodologies: Research and Indigenous Peoples. L., 1999.

В основу анализа материалов совещания авторы положили две парадигмы, взглянув на «сообщество этнографов как лабораторию, границы которой довольно неустойчивы и где происходят постоянные инверсии между субъектом и объектом исследования», и выделив «биографический (нарративный) характер истории концепций, где возможны как хронологические последовательности между учеником и учителем, так и разрывы, которые более точно можно описать через концепцию экологии знания. В известной мере эти две парадигмы показывают пластичность самой дисциплины, уводят в сторону от навязчивых клише о ее косности, идеологической зацикленности»¹. Авторы постарались увидеть, и действительно увидели, в исследуемом тексте «соединение множества стратегий различных групп исследователей, конкурирующих и создающих едва заметные точки соприкосновения»². Оказалось, что участники совещания были хорошо осведомлены практически обо всех текущих дискуссиях в западной антропологии того времени, а само совещание имело последствия, значительно более долгосрочные, чем было принято предполагать. Это касается и советской, и западной этнологии.

Так, в 1930-е годы Поль Риве (Paul Rivet) и Жорж Ривьер (Georges Rivièrè) при создании парижского Музея человека будут ориентиро-

soldier over true scholars, entirely convinced that one required no actual knowledge to be a successful systematizer ('methodologist') of that same knowledge»¹.

The authors used two paradigms to analyse the council materials, viewing the "community of ethnographers as a laboratory, with fairly unstable boundaries which constantly bubbles with inversions between the subject and object of research", and marking out "the biographical (narrative) nature of concept history, where chronologically both continuities and interruptions of teacher-to-student lineages are possible, which should best be described in terms of knowledge ecology. To a certain extent these two paradigms reveal plasticity of the discipline itself and liberate one from the obtrusive clichés of its stagnancy and ideological anchoring"². In the studied body of text the authors endeavoured to reveal, and were successful in doing so, "a panoply of strategies professed by various groups of researchers, competing with each other and creating barely visible points of coincidence"³. It turns out that the council participants were well aware of practically all current debates in the Western anthropology of the time, and that the council itself had repercussions considerably more far-reaching than it has become customary to believe. The latter remark concerns both Soviet and Western ethnology.

¹ The Letters of Boris Pasternak. Moscow, 1990. P. 121 [in the Russian language].

² See below, p. 15.

³ See below, p. 15.

¹ См. ниже, с. 15.

² См. ниже, с. 15.

ваться в первую очередь на ленинградский Музей антропологии и этнографии¹. Я очень хорошо помню, как меня в свое время удивил ажиотаж вокруг работы Э. Саида «Ориентализм». Тот, кто учился на Восточном факультете ЛГУ и в аспирантуре Института востоковедения, в принципе не мог увидеть в критике европоцентризма и колониализма, в призывах к изучению актуальных социально-экономических проблем ничего нового.

Среди важнейших тем, обсуждавшихся на совещании, были в первую очередь те, которые и сейчас вызывают активные дискуссии (объект этнографии, «поле», этнографическое образование и музейное дело). Корпус указателей превращает книгу в справочник по истории советской этнографии тех лет и позволяет активно использовать материал как важный первоисточник. Я уверен, например, что работа с текстом позволит многое понять и в судьбе нашего музея, значительные коллекции из которого в 1930–1934 гг. были переданы в Государственный Эрмитаж², и в судьбе концепции «музея общечеловеческой культуры» или «объединенного музея антропологии, этнографии и археологии», разработанной В. В. Радловым и Л. Я. Штернбергом. Именно тогда в основу деятельности музея был положен принцип

Thus in 1930s, Paul Rivet and Georges Rivi re when creating the *Mus e de l'Homme* in Paris would primarily look up to the Leningrad Museum of Anthropology and Ethnography¹. For myself, I remember very clearly my bewilderment at the commotion caused by *Orientalism*, a book by Edward Said. A graduate from the Oriental Department of the Leningrad University and a doctorate student at the Institute for Oriental Studies in principle would fail to see any novelty either in the critique of Eurocentrism and Colonialism, or in the call to research acute socioeconomic issues.

Among the most important points raised at the council were predominantly those that also spark acute back-and-forths today (the object of study in ethnography, field ethnography, ethnography and education, and museology). The corpus of indices turns the book into a manual on the history of Soviet ethnography of the time and makes it possible to actively use the materials as an important firsthand source of reference. I am convinced that working with the text will enable one to understand a lot in the fate and fortunes both of our museum, from which many a collection were transferred to the State Hermitage in 1930–1934², and of the concept of

¹ Матвеева П. А. «Все человечество едино»: В. В. Радлов и МАЭ. СПб., 2014. С. 217.

² Резван Е. А. Между Туркестаном и Тибетом: салары. СПб., 2010. С. 80–83.

¹ Matveeva P. A. “Humanity Is One”: Vasily Radlov and the Museum of Anthropology and Ethnography. St. Petersburg, 2014. P. 217 [in the Russian language].

² Rezvan E. A. Between Turkestan and Tibet: the Salar People. St. Petersburg, 2010. P. 80–83.

«собирация путем систематических научных экспедиций», то есть синтез «поля» и «немого комплекса» (по В. Г. Богоразу).

Как справедливо отмечают авторы, совещание 1929 г. позволяет нам «прикоснуться к тому короткому периоду в истории отечественной этнографии, когда многое казалось возможным и самые смелые эксперименты представлялись осуществимыми»¹. Вскоре, однако, последовал подлинный «Великий перелом», который оказал на отечественную этнографическую науку жесткое «форматирующее» влияние. Прошла и «чистка» персонального состава Академии наук, в результате которой более ста человек были арестованы, а сотни — уволены.

Я искренне убежден, что эта книга будет по-настоящему интересна и для наших английских коллег, которые много сделали для того, чтобы она увидела свет. Позволю себе еще раз процитировать Александра Солженицына (так совпало, что я читал его книгу одновременно с рукописью настоящей публикации): «России, которую принято было считать отсталой, довелось совершить социальный скачок в целое столетие, обгоняя опыт всех стран мира. С нечеловеческой плотностью мы пережили на себе нечеловеческий опыт, о котором западный мир, вот и ваша Англия, до сих пор не имеют, а точнее: боятся иметь, подлинное представление. И со странным ощущением мы,

“the universal museum of human culture” or “the universal museum of anthropology, ethnography and archaeology”, propounded by Vasily Radlov and Lev Sternberg. It was in those days that the principle of “collecting by means of systematic scientific expeditions”, *i.e.* a synthesis of “field ethnography” and “silent complex” (according to Vladimir Bogoraz), was adopted as the main principle of the museum’s activity.

The authors concur quite fairly that the council of 1929 makes it possible for us to “get in touch with that brief interregnum in the history of Russian ethnography when much was seen as possible and the boldest experiments looked unfantastic”¹. It was soon, however, that the real “watershed mark” ensued, dealing Russian ethnographic scholarship a real “formatting” blow. The Academy staff was subjected to a purge, as a result of which over a hundred people were arrested, and hundreds dismissed.

I am sincerely convinced that the book will be of interest to our British colleagues who have laboured a lot for it to see the light of day. I will take the liberty of quoting yet again from Alexander Solzhenitsyn (it so happened that I was reading Solzhenitsyn together with the printout of the present publication): “Russia, who used to be looked on as backward, got to make a social leap over a hundred years, thus outpacing the experience of the entire world. Subjected to inhuman gravity we have lived through an inhuman

¹ См. ниже, с. 83.

¹ See below, p. 83.

люди из Советского Союза, смотрим на нынешний Запад: как будто не соседи по планете, не современники, мы смотрим из вашего будущего или на наше прошлое, 70-летней давности, которое вдруг повторяется. Все то же, все то же видим мы: всеобщее поклонение взрослому обществу мнениям своих детей; лихорадочное увлечение многой молодежи ничтожно мелкими идеями; боязливость профессоров оказаться не в модном течении века; безответственность журналистов за метаемые слова; всеобщая симпатия к революционерам крайним; немота людей, имеющих веские возражения; пассивная обреченность большинства; слабость правительств и паралич защитных реакций общества; духовная растерянность, переходящая в политическую катастрофу. Следующие события — впереди, но уже близко, и мы по горькой памяти можем без труда “предсказывать” их вам»¹.

P.S. Как всегда, хочу подчеркнуть, что все сказанное выше вполне может не совпадать с мнением авторов публикации.

experience, of which the Western world, and you here in Britain, still do not have, or to be more exact, fear to have a true notion. And it is with an odd sensation that we, people from the Soviet Union, look at the West today: as if we were not neighbours on this planet, not contemporaries, we look, as it were, from your future, or at our past, 70 years back, which all of a sudden is about to repeat itself. And we see all the same things again: the adult society collectively venerating the opinions of its children; many a youth in feverish pursuit of tacky and insignificant ideas; university professors worrying that they will fail to fit the contemporary mainstream; journalists irresponsible for their verbal ejaculations; overall sympathy with the revolutionaries and the radicals; silence of those having valid objections; passive resignation of the majority; weakness of governments and paralysed defensive reactions of the society; spiritual discomfiture about to mutate into a political catastrophe. What follows is already in sight, and we from our bitter memory can easily predict it to you”¹.

P.S. As usual, I would like to stress that all of the above may not coincide with the opinion of the authors of the current publication.

---

¹ Солженицын А. И. Выступление по английскому радио 26 февраля 1976 г. // Солженицын А. И. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт; Париж, 1989. Т. 9. С. 259.

---

¹ Solzhenitsyn A. I. An interview with Michael Charlton on BBC Radio One, London, 26 February 1976 // Solzhenitsyn A. I. Social and political essays, talks and speeches. Vermont; P., 1989. Vol. 9. P. 259 [in the Russian language].